

УДК 81'282.237: 81'39

ОБРАЗ БОЛЕЗНИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ (на материале лексики пермских говоров)¹

Лидия Сергеевна Нечаева

инженер кафедры общего и славянского языкознания

Пермский государственный университет

614900, Пермь, ул. Букирева, 15. rassanova2107@rambler.ru

Статья посвящена анализу культурно-мотивированной лексики семантического поля «Болезнь», функционирующей в русских говорах Пермского края, и выявлению характерных черт образа болезни в народной культуре. В исследуемой лексике нашли отражение архаические представления о болезни: в традиционной культуре болезнь может восприниматься как проникающее в тело человека демоническое животное, как вредоносное воздействие извне потусторонних сил и как проявление дьявольского начала.

Ключевые слова: болезнь; семантическое поле; пермские говоры; культурная мотивация; мифологическое сознание.

В разных национальных культурах болезни приписываются особые черты, на основании которых можно выявить интегральный образ болезни в традиционном народном сознании. По мнению Т.А.Агапкиной и В.В.Усачевой, болезнь в славянской народной культуре осмысливается как результат действия демонов болезни, нечистой силы, ведьм, колдунов, людей с дурным глазом, порчи и т.п. Болезнь может представлять в антропоморфном (в облике молодой красивой девушки либо старой, уродливой женщины), зооморфном облике (мыши, змеи, ящерицы, лягушки, червяка, мухи, бабочки, утки со змеиным хвостом и головой), может оказываться паром, воздухом, туманом, мглой, облаком, дымом или быть невидимой. Причиной болезни считалось воздействие на человека мифологических персонажей: по народным представлениям, духи болезни могут поражать человека громким плачем, стрелять в него, отсекают голову косой, душить, дуть отравленным дыханием, жалить, вызывая заболевание [Агапкина, Усачева 1997-2010].

В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть, как на лексическом уровне реализуются образные мифологические представления о болезни носителей пермских говоров.

Объектом нашего исследования послужила только культурно-мотивированная лексика семантического поля (далее – СП) «Болезнь». Отметим, что явление культурной мотивированности заключается в том, что в слове сосредоточиваются особенности восприятия мира, хранится

и передается исторический опыт народа, его генетическая память, причем народное сознание не просто дублирует с помощью языковых знаков отражаемую реальность, а выделяет в ней значимые для субъекта признаки и свойства [Вендина 1998: 12].

Механизмы культурно-семантической мотивации непосредственно связаны с мифологическим мышлением человека первобытного общества. Следует сказать, что мифологическое мышление – это особый вид мироощущения, специфическое, образное, чувственное представление о явлениях природы и общественной жизни, самая древняя форма общественного сознания. Первобытный человек находился в постоянном страхе перед лицом того или иного явления, исходящего извне, именно поэтому он стремился выразить описательно те предметы, действия или качества, которые по тем или иным причинам были табуированы, а также персонифицировал те предметы или явления, которые были недоступны его сознанию. Первобытное сознание часто оперировало метафорами, каждая метафора по своему происхождению является мифом в застывшей, свернутой форме [Маковский 1996: 15-16]. Слово, ранее бывшее метафорой, со временем утрачивало свои метафорические свойства, но в некоторых случаях они сохраняются на уровне культурной семантики лексической единицы. На наш взгляд, некоторые лексические единицы СП «Болезнь» сохраняют в структуре значения культурный компонент, так как область

болезней относится к наиболее табуированным сферам, связанным с широким комплексом народных представлений, верований, обрядов [Поздеева 2005: 77].

Выявление культурного компонента в семантике лексических единиц СП «Болезнь» осуществлялось по методу С.М.Поздеевой посредством семантического, мотивационного и этимологического анализа. Материалы были собраны нами методом сплошной выборки из «Словаря пермских говоров», «Словаря говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области», «Словаря русских говоров Коми-Пермяцкого округа», картотеки «Словаря русских говоров севера Пермского края», создаваемого на кафедре общего и славянского языкознания Пермского государственного университета, а также автором статьи в ходе диалектологических экспедиций в Красновишерский, Соликамский Чердынский и районы Пермского края.

Опираясь на культурно-мотивированную лексику СП «Болезнь», функционирующую в современных пермских говорах, мы попытаемся реконструировать традиционное восприятие болезни как персонафицированного объекта, которое было характерно для носителей мифологического сознания.

Мифологичность болезни в традиционной культуре может доказывать восприятие ее как животного, внедряющегося в организм человека извне. Эти представления иллюстрирует культурно-мотивированная группа «Болезнь как зооморфное существо». Во-первых, «животная» сущность раскрывается в приписывании болезни действий, свойственных хищным животным: болезнь может *грызть, есть, глотать, клевать* человека. Мотив поедания человека болезнью актуализирован в следующих лексемах, представленных в пермских говорах:

Грызть (безл.) 1. 'о наличии грыжи у кого-л.' (*У девчонок-то больше пупик грызёт*); 2. 'о тупой, ноющей боли' (*Ноги у меня, девки, грызёт. Видите, вены как видны синие*). (Ср. с лит. **грызть** 'раскусывать, раздроблять зубами что-либо твердое; кусать, рвать зубами' [ССРЛЯ III 1954: 451]).

Исклевать (поклевать) 'о появлении сыпи во время болезни оспой' (*Инолды востница исклюёт лицо; Если его поклевала оспа, то зовут корявый*). (Ср. с лит. **исклевать** – 'ударами клюва нанести раны во многих местах' [ССРЛЯ V 1956: 442]).

Костоглод, костоед 'воспаление костной ткани, сопровождаемое ее разрушением' (*Костоглод вылечивают – только отрезают; Кос-*

тоед, кость не заживает, всё гноится, всё гниёт).

Нагрызть 'появиться на теле (о наросте, опухоли)' (*А у Зои-то вот такие баки на ногах нагрызло, как кукиши*).

Во-вторых, название болезни может быть мотивировано непосредственно названием животного. Диалектные номинации фиксируют приписывание определенным животным демонических свойств. Такими, в первую очередь, в народе считаются так называемые гады: змеи, мыши, жабы.

Словом **мышь** в пермских говорах мотивированы следующие лексические единицы:

Мышьяк 'нарыв, фурункул' (*Мышьяк, или собачьи соски, если их много, – нарыв бурой-бурой, рассекают и кровью мышью мажут, мышью поймают*).

Мыши 'спазм в горле' (*Кикимора на него порчу навлекла, дак у него мыша к горлу подходит, дышать не может*).

Достаточно широкую употребительность дериватов лексемы **мышь** в значении 'болезнь' подтверждают следующие единицы пермских говоров:

Мышки, мыши, мышид 'воспалительное увеличение подкожных шейных лимфоузлов у коров, лошадей' (*Мышки давят коней, на обоих боках, под ушами, другой раз лошадь падёт от этих мышек-то; Лекарка прибежала: мыши, – говорит, – одолили. Щипцами стали их давить, всё жо мы их раздавили. Корова и ожила*).

Болезнь представляется как животное, внедряющееся под кожу и причиняющее вред. Мышь в традиционной культуре, как отмечает А.В.Гура, считалась нечистым животным, созданием дьявола. Не случайно мышей и крыс народная традиция относит к «гадам», так же как и змеей [Гура: 1997-2010].

Название животного **змея**, в свою очередь, лежит в основе номинации других лексем изучаемого СП:

Змеевец 'гнойное подкожное воспаление, поражающее большой участок тела' (*Омег как троелистка: три листка, а посередине цветок. Омег с мёдом привязывают, если змеевец ли, костоед ли*).

Змеёвич, змеёвич 'то же, что змеевец' (*Вот на пальце змеёвич был... Небольшой ещё был, катанки починял, проткнул палец шилом, грязь попала, видно. Сначала ничё, побаливало, потом палец пухнуть-пухнуть [стал], а внутри у меня кости слабые, где он был; Змеёвич – нарыв на пальцах*).

В принципе номинации в данном случае отражаются народное представление болезни в виде

змеи, червя. Рассматривая мифопоэтические представления разных народов, современные исследователи говорят о том, что, наряду с положительной семантикой образа (символ плодородия, женского производящего начала), змея считалась воплощением нижнего (водно-подземного) мира, злым духом и даже символом космического зла [Маковский 1996: 175-179; Слащев: 1997-2010]. Отрицательную трактовку образа змеи в народной культуре подтверждают устойчивые формулы негативных пожеланий, функционирующие в пермских говорах: *змей в руки (лапы, шары); змеище в руки: Змей в шары-те, всю тропку изломали, по воду пошла, идти не можно; Окаянная свинья, змеище тебе в ноги! Весь огород разрыла!*

Наряду с рассмотренными выше в наших материалах присутствует лексема *во́лос* в значении 'водяной червь волосатик, который, по суеверным представлениям, пробирается под кожу во время купания в запрещенное время и является причиной болезни' (*Болезнь есть такая, внутри нарывает, палец или ещё чё. Человек купатся – волос весь, как игла зайдёт. Волос-от просекёт – он начнёт точить кость, можешь без ноги остаться*).

Приведем небольшой рассказ диалектоносителя о вышеназванной болезни *костоед*, в которой болезнь также представляется в образе червя: *Костоед – такая болезнь. Червячок ест суставы пальцев. Если самец попал, то в больнице вылечат, если самка, то заговаривают на мёд или на сливочное масло.*

Наши материалы иллюстрируют мифологическую природу этих животных, демонстрируя принципы лечения подобного подобным: *Змеёвич – нарыв на пальцах, лечат жиром змеи, гадюки; Мышьяк – нарыв бурой-бурой, рассекают и кровью мышей мажут, мышей поймают да. Также в русских говорах коми-пермяцкого округа присутствует глагол *загрызть* и устойчивое словосочетание *загрызть грыжу* в значении 'лечить грыжу с помощью магического обряда закусывания' (*Грыжу загрызали, подтягивали пуп зубами, клали потом на пуп монетки и ставляли носить*). В данном случае для излечения предписывается совершение действия, аналогичного воздействию болезни на человека: ср. *Иного ребёнка-то грызёт грыжа, так и ноги бывают косые.**

Рассмотрим другие названия болезней из этой группы. В пермских говорах названием животного мотивирована лексема *жа́ба* (и словосочетание *горловья жаба́*), являющиеся общерусскими. (Ср. с лит. *жа́ба* '1. воспалительное заболевание слизистой оболочки зева, ангина; 2. *грудная*

жа́ба 'сердечное заболевание, связанное с сильными болями в груди' [ССРЛЯ IV 1955: 6]).

Культурная маркированность жабы в говорах отражается в различных названиях болезней, болезненных выпуклостей, локализующихся во рту, в горле, в области шеи, что позволило реконструировать общеславянское *žaba 'болезнь, опухоль горла, языка, шейных желез у людей и животных'. В качестве мотивирующих подобные названия факторов Е.Л.Березович выделяет, во-первых, мотив раздувания (и связанный с ним мотив тяжелого дыхания), во-вторых, мотив бугристости кожного покрова [Березович 2007: 42].

В пермских говорах эти мотивировочные признаки не реализуются, единицы *жа́ба* и *горловья жа́ба* имеют значение 'болезнь, вызываемая посредством порчи' (*Пьянчужка поглянул ей, погубил, получила жабу сердца; После порчи горловую жабу в меня посадили*).

Мы считаем правомерным включение рассмотренных единиц в поле нашего исследования, несмотря на то что они являются общерусскими и фиксируются словарями литературного языка, так как возникновение этих болезней, в понимании носителей говора, – это результат магического воздействия. Контексты показывают, что в данном случае жаба, так же как мышь и змея, причисляется к разряду демонических животных и воспринимается как существо, которое внедряется в организм человека посредством черной магии (сглаза, порчи).

В рассмотренных нами случаях в основе образования лексических единиц лежит мифологический принцип номинации (термин Е.Л.Березович), который заключается в персонификации болезни. Данная группа лексики опирается на особую сферу народной культуры – область мифологических представлений: болезнь в народном сознании представляется как демоническое существо, внедряющееся в организм человека.

Рассмотрев названия болезней данной культурно-мотивированной группы, мы делаем вывод о том, что механизмы номинации лексических единиц могут трактоваться двояко. С одной стороны, в основе принципа номинации может лежать реальная симптоматика заболевания, отраженная во внутренней форме слова в той или иной мере образно. Так, опухоли под кожей человека или животного, сходные по форме с грызуном, были названы *мышками*, а болезнь, разрушающая костные ткани, – *костоедом*. С другой стороны, возможно, в основе рассмотренных механизмов номинации имплицитно лежит древняя культурная коннотация, которая до сих пор осознается современными носителями говора,

что иллюстрируют лексемы, обозначающие заболевания, вызываемые колдунами, например такие как *икота*, *пóрча* и *хитка*:

Икота 'нервное истерическое заболевание (обычно у женщин), выражающееся в судорожных припадках, во время которых больные кричат или чревоведают' (*Вот она говорит, у ей икота. Страшно прямо: косотат её всяко, лomat. Сама себе не рада, кричит*).

Пóрча 'заболевание, причинённое колдовством, наговором'. (*У нас у маминой сестры две штуки порчи было*).

Хитка 'заболевание, причиненное колдовством и проявляющаяся как чревоведание' (*У меня была хитка, всю правду говорила, теперича её нет, лонись она из меня вышла; видно, умирать мне скоро*).

Согласно народным представлениям, эти болезни являются результатом внедрения в организм некоего демонического существа. Например, словом *икота* обозначается 'нечистый дух, поселяющийся в человеке и вызывающий такое заболевание' (*Она сама-то не говорит, а это в ней икота говорит. Икота из желудка говорит – молодчик Ваня себя называет. В старухе сидит. Она (старуха) только рот раскрывает*).

Также в пермских говорах присутствуют лексемы *бес* (употребляется обычно в мн. ч. – *бёсы, бёси, бйси*) и *чёрт* (обычно мн. *чёрти*), которые в одном из своих значений называют помощников колдуна, вселяющихся в тело человека и наносящих вред его здоровью. Приведем примеры употребления этих лексем, отражающие данные народные представления²: *Уж во мне сидит, да не один ещё. Крест-от в своё время не носила, колдуны и напоили, опутали. Завидовали семье нашей. И вот живет сейчас во мне бес Егорка. Тридцать лет уж живёт. А подали его мне колдуны с квасом. Порча вот така великая; Биси начнут серце точить, корень отрежут, почувпают, и всё; У колдуньи черти есть. Рукой в кружку махнёт – чертей может посадить. Чертей выкашливать нужно. «Кашлий, кашлий сильней, – мне говорили, – вот и выкашлиешь чертей».*

Показательным является тот факт, что *черти* и *бесы* отнюдь не безлики и зачастую имеют зооморфный облик: они могут представлять в виде насекомых (мух, муравьев, оводов), небольших птиц, мышей, зайцев и т.д.: *Черти и порча как мухи большие. Живут они в дому. Она [колдунья] их в подвале держит и на ворот людям садит; Это были черти. Как зайцы, маленькие, пузатенькие, с ножками, с хвостиками. Они делают людям зло; В коробнице, в пере их держали, бисей. У кого как птички, у кого-то мышки; Би-*

си-то величиной с маленькую птичку с цветастым оперением; Но мы под печку заглянули, а там из бересты коробочка, а в ней куделька и они там, чертики, прямо кипели в ней. Они, говорят, тоже плодятся; Они маленькие, в половину меньше мураша. И ноги у их всё кругом-кругом (КСМЛПК). Ей чертенок попал, засел в горле. Она хыркала – хыркала, не выходит, доставать его стали. А он кругом зацепился. Везде лапы, лапы. Кое-как достали. Когда они зажгли лучину, они этого жучка положили на уголь. Он горел дак пицал как мог, всякими голосами [Жданова и др. 2002].

Как показано выше, в рассказах диалектоносителей о колдунах демонические существа, причиняющие вред здоровью, описываются достаточно точно, иногда даже с анатомическими подробностями, что свидетельствует об актуальности данных представлений. До сих пор в народной культуре бытуют представления о том, что любая, даже признаваемая медициной и излечимая болезнь, является результатом действия демонических живых существ, поселяющихся в организме человека. Этот факт подтверждают следующие контексты: *Мужа моего погубили черти-те. Он в Березниках лежал в больнице. Говорили, что камни в почках. А это в него чёртики забралась. Они невидимы, нам не покажутся. Какое место болит – от чертей это; Нет никакого остехондроза. У тебя дьявольские черти, дьявольские черти, двадцать девять штук (КСМЛПК).*

Таким образом, мы видим, что демонические существа, по народным представлениям, попадают в организм посредством действий человека, владеющего приемами вредоносной магии. Эти действия обозначаются в пермских говорах устойчивыми сочетаниями типа: *бросить хитку, вселять болезнь, вселять чертёнка, наводить чертей, насадить бесей, посадить икоту, посадить порчу, пустить икоту* 'по суеверным представлениям, колдовством вызвать в ком-л. такое заболевание' (*А вот дочь-то у неё не колдунья. Она у неё болела, дочь-то. И всё она грешила, что меня испортил брат. Он, может, хотел бросить хитку на людей и на чужого человека, а попал на свою сестру. Ну, это как, бросить хитку – как испортить; Колдун-еретник людей портит, болезнь вселяет; А дак вот, икотка – та же порча. У нас была одна с икоткой, всё икала ходила. А ещё вместо икотки колдун вселяет в человека чертёнка. Была у нас и такая. Когда в ней чертёнок говорил, дак она будто задыхалась, говорила не своим голосом; Да и мужик может быть чертистом, ну, это так – чертей наводит; Был тут кладовшык бе-*

систой. Не колдуны, а бесистые. Бывает, в человека бисей насадят, он [человек] и разговаривает другим голосом; Какой-то мужик в Сыпучах посадил икоту-то ей; Мне порчу посадили: кружку мне на лопате поднесли. Я кружку-то в рот-от взяла – мне мизгирь и сел на язык-от; Выбежала на улицу – ничё не могла сделать; У нас на Вае один колдун икоту ей пустил) (КСМЛПК). Единиц данной группы в пермских говорах значительно больше. Они подробно представлены и проанализированы И.И.Русиновой [см.: Русинова 2008; Русинова 2009а; Русинова 2009б; Русинова 2009в; Русинова 2009г].

Наряду с представлениями о магических действиях людей со сверхспособностями, в народном сознании существуют представления о болезни как результате вредоносного воздействия, исходящего из внешней среды. Мы попытаемся их показать на примере глагольной лексики СП «Болезнь». В пермских говорах нами были обнаружены глаголы двух групп: первые из них имеют семантику насильственного овладения организмом человека, вторые обозначают процесс физического воздействия на организм человека.

Рассмотрим первую группу глаголов, которые имеют интегральное культурно-мотивированное значение 'насиленно овладевать организмом человека':

Взять (лич. и безл.) 'вызвать болезненное состояние' (*Его взяла язва; Верно, простыла, и меня взяло*). (Ср. с лит. **взять** 'кого-, что-либо захватывать рукой (или каким-нибудь орудием, зубами)' [ССРЛЯ II 1951: 332]). Также в пермских говорах функционирует устойчивое сочетание **грыжи взяли** 'образовалась грыжа' (*Меня в ту пору беда грыжи взяли; хотели под нож класть*).

Загарáбать (безл.) 'внезапно и остро проявиться у кого-л. (о приступе болезни, боли); схватить' (*Свекровку да золовушку загарáбало, и так оне заболели, так заболели тифом, но не умерли же, жили потом долго ещё*). Этот же глагол употребляется в пермских говорах и в значении 'захватить силой, присвоить' (*Почто ты загарáбала мои мешки-те? Я их под пшеницу наладила*).

Захва́тывать (безл.) 'подвергать болезненному состоянию' (*Одышка давит, сердце захватывает*). (Ср. с лит. **захватывать** '4. забирать силой, овладевать' [ССРЛЯ IV, 1955: 1048]). По данным этимологических словарей, старшее общеславянское значение глагола *chvatati могло быть 'присваивать, делать своим чужое', формальная реконструкция которого приводит к и.-е. корню *sue- местоименного происхождения

(родств. мест. *svojь) со значением 'присвоить' [Черных 1994, II: 335; ЭССЯ VIII, 1981: 123]. С одной стороны, через корень **-хват-** реализуется семантика внезапности, быстроты воздействия на организм (Ср. с лит. **хвaтáть** 'резким порывистым движением брать, схватывать кого-, что-нибудь' [ССРЛЯ XVII 1965: 73]), то есть значение этого корня указывает на реальную симптоматику болезни. С другой стороны, значение данной глагольной единицы отражает представление о процессе болезни как состоянии, сообщенном больному насильственным внешним воздействием.

Изня́ть, изымáть (безл.) 'внезапно и остро проявиться у кого-л. (о приступе болезни, боли)' (*На той неделе так меня изняло, дак думала, уж умру; Я дошла до мостика и меня изымать стало*). (Ср. с лит. **изымáть** 'удалять, устранять; прекращать существование чего-л., уничтожать' [ССРЛЯ V 1956: 270]).

Найтí 'вызвать болезненное состояние' (*На меня корь нашла*). (Ср. с лит. **найтí** 1. 'подойдя вплотную, натолкнуться, наскочить на кого-, что-нибудь'; 2. 'надвинувшись, закрыть собой что-либо') [ССРЛЯ VII 1958: 234-235]).

Напа́сть 'вызвать болезненное состояние' (*Егожник на неё напал, чесотка чё ли*). (Ср. с лит. **напа́сть** 'наброситься на кого-, что-либо с враждебной целью' [ССРЛЯ VII 1958: 385]).

Пойма́ть 'вызвать болезненное состояние' (*Вот насмока поймала, чишот, кашлят*). (Ср. с лит. **пойма́ть** '3. схватить кого-, что-л.' [ССРЛЯ X 1960: 812]). Эту же семантику имеют устойчивые выражения **грибы пойма́ли** и **гришка поймал** в значении 'кто-л. заболел гриппом' (*Чишет углан-от, видно, грибы поймали; Ведь как вица на воде дрожу, видно, гришка поймал, простудилася*). Исходя из их структуры, мы видим, что болезнь предстает уже не как абстрактное внешнее воздействие, а как персонифицированная сила.

На основании сопоставления значений обнаруженных нами единиц со значениями единиц русского литературного языка мы видим, что в говоре семантика присвоения, столкновения и захвата сохраняется, дополняясь культурным смыслом и передавая образные представления носителей говора о процессе болезни. Таким образом, болезнь в традиционной культуре воспринимается как некая сила, способная к движению, причиняющая боль, которая направлена против человека и может победить его.

Теперь рассмотрим глаголы из второй группы значений, отражающие представление о процессе болезни как физическом воздействии извне. Некоторые из них могут указывать на конкрет-

ные симптоматические проявления процесса болезни и на характер проявления болевых ощущений:

Бить ‘трясти, вызывать дрожь’ (*Когда вот худобишио бьёт человека, чернобыль парют, пьют вместо чаю*). Также этот глагол встречается в безличной форме в устойчивом сочетании **худобой бьёт** в значении ‘мучают эпилептические припадки’. (*У тя парня-та все шио худобой бьет али нет?*).

Бросать (безл. в соч. с «в жар», «в холод», «в озноб») ‘внезапно вызывать какое-либо болезненное состояние’ (*То в жар бросат, то в озноб. И согреться не можешь, печку топшиш, а холодно всё кажется*).

Вывертеть (безл.) ‘постепенно сделать неполноценным, разрушить болезнью’ (*На место лекарства глазного како-то втирание пустила, у меня его и вывертело, глаз-от*).

Давить (лич. и безл.) 1. ‘воздействовать на организм человека (о болезни)’; 2. ‘о давящей боли (в области сердца)’ (*Когда давит худобишио ребёнка, он руками и ногами брыкат, ноги вытянет, посинеет; У меня в груди стираёт, давит*).

Загибать (безл.) ‘о сильной боли, ломоте’ (*Меня сегодня загибат*).

Закорчить (безл.) ‘начать сводить судорогами’ (*Ногу закорчило, заболела*). По одной из научных версий, это слово восходит к праиндоевропейскому корню *ker со значением ‘сгибать, крутить’ [ЭССЯ XII, 1985: 56].

Косотать (безл.) ‘о болезненном состоянии, сопровождаемом зевотой, неестественными телодвижениями’ (*Ломало, косотало его – он в воду и прыгнул, кончил сам себя*);

Кособёнить (безл.) ‘сводить судорогами’ (*Судорогой кособенит пальчи*).

Мотиватором для данных лексических единиц является общерусский глагол **косить** ‘отклонять от прямого направления, перекашивать, кривить’ [ССРЯ V, 1956: 1497].

Крутить, кружить (безл.) ‘о сверлящей боли в желудке’ (*Поешь – крутит, кружит, болит брюхо*).

Ломить, ломать (безл.) ‘о болезненном состоянии, ощущении ломоты’ (*Скоро пошла, дак сразу ноги и заломило; Ломат, косотат с пьянки*).

Опалить (безл.) ‘о состоянии высокой температуры тела’ (*Никак, видно, порча не отпускает, всего меня опалило*). Наряду этим глаголом, в пермских говорах встречается устойчивое выражение **как огнём опалило**, которое имеет то же самое значение.

Стрелять (безл.) ‘резко болеть’ (*Голова болела, даже в крыльце, в лопатку стреляло*).

Ткнуть (безл.) ‘резко заболеть’ (*Печень у меня болит, вот сегодня опять ткнуло в бок*).

На примере рассмотренных глагольных единиц мы видим, что процесс болезни может восприниматься как причинение разных видов болевых ощущений (острая боль, удар, укол), воздействие огня, тяжести, деформация (загибание, кручение, верчение) или нарушение целостности больного органа (ломание). В результате выявляется оппозиция, существующая, на наш взгляд, в сознании диалектоносителей: деформированное, нецелостное – **больное** ~ прямое, целостное – **здоровое**. Существование этой оппозиции подтверждает наличие в пермских говорах устойчивого сочетания **весь со всем** в значении ‘красивый, без каких-л. недостатков’ (*Дочь-то у меня совсем замуж не идёт, а девка – вся со всем*) и **не совсем** в значении ‘умственно неполноценный’ (*Дочь-то у её не совсем*).

Таким образом, представления о болезни как физическом воздействии находят отражение не только в семантике рассмотренных глаголов, но и в их грамматической форме. Важно отметить тот факт, что большинство глагольных лексем с подобным значением являются безличными. Безличность передает процесс, протекание которого не зависит от человека: *Ногу закорчило; давит в груди; крутит брюхо; всего меня опалило; сердце захватывает; под лопатку стреляло; ткнуло в бок* (ср. с лит. *болит живот; болит сердце; болит нога*). Мы видим, что в говорах подобные словосочетания связаны объектными отношениями, то есть больной орган или весь человеческий организм выступают как объект воздействия, а сам процесс болезни выступает как физическое воздействие некой силы извне, в русском литературном языке же подобные сочетания выступают как подлежащее и сказуемое. Т.И.Вендина считает, что присутствие человека в языке ощущается на всех языковых уровнях. Так, формирование безличных предложений в русском языке первоначально было связано с древними воззрениями славян на природу, с верой в сверхъестественные силы, которые ими табуировались. Сама система грамматических форм безличных предложений сформировала значение производителя действия как высшую стихийную, неопознанную силу, которая приобретает в структуре предложения характер неопределённости, неконкретности (ср. **знобит, лихорадит, морозит**) [Вендина 2002: 7].

Также показательным является следующее: в исследуемых говорах название болезни, выраженное существительным, и процесс болезни,

выраженный глаголом, часто являются подлежащим и сказуемым по отношению друг к другу, например: *Корь нашла; Егожник напал; Худо бишию бьёт; Язва взяла* (в русском литературном языке же в качестве подлежащего и сказуемого выступают обычно название больного органа и название процесса болезни). Это говорит о том, что в традиционной культуре болезнь олицетворяется и воспринимается как живое, активно действующее существо. Сверхъестественную же природу болезни доказывает существование устойчивых выражений типа *чёрти чтоб тебя ломали*. По мнению С.М.Поздеевой, непосредственная связь мотивировочных признаков битья, ломания, захвата, давления с идеей применения силы позволяет вывести на их основе культурную ассоциацию, выражающую народное понимание болезни в виде персонифицированной демонической (чаще всего невидимой) силы, имеющей губительный для человека характер» [Поздеева 2005: 102].

Восприятие болезни в народной культуре как отрицательной потусторонней силы также иллюстрируют лексемы с общеславянским корнем *-лих-*.

Ліхо (безл. в роли сказ.) ‘плохо, тяжко’ (*Не могу совсем есть свинину: мне почто-то лихо с иё делается*).

Лихоманка ‘лихорадка’ (*Внучка у меня заболела. Ночью жар, лихоманка. Пришлось врача вызывать*).

Лихора́дка ‘малярия’ (*Лихорадкой болесть зовут, малярией*). В этом случае мы видим табуистическое, иносказательное название болезни.

Ліхость, лихотá ‘ощущение тошноты, болезненное состояние’ (*Почему-то мне жиры не идут, лихота меня берёт; Само затошнит – вот лихость*).

Лихоті́ть (безл.) ‘нездоровиться’ (*Ой, чё-то лихость, лихотит меня*).

Лихості́ть (безл.) ‘тошнить’ (*Поела я рыбу-то, и меня опять лихостит*).

Лишáй ‘поражение кожных покровов’ (*Лишай царапаца, красной да круглой*).

По данным этимологии, в основе представленных номинаций лежит лексема *лихой*, восходящая к общеславянскому корню **liхъ*, значение которого распадается на две ветви: ‘злой, дурной, несчастный’ и ‘оставшийся, лишний’.

Рассмотрим первое значение. В этимологических словарях исходным значением слова *лихой* дается значение ‘злой, дурной, несчастный’ [Фасмер 1986, III: 505] или ‘несущий несчастье, полный бед, тягот; вредоносный; тяжелый’ [Черных 1994, I: 486]. Подтверждения этому находим

в разных славянских языках и русских говорах, например: тверск. *лишáй* – ‘черт’; псковск. *лишай* – ‘злой человек’, *лихо* – ‘злая судьба’; польск. *licho* – ‘зло, несчастье, беда, дьявол, черт’; ст.-укр. *ліхо* – ‘беда, горе, несчастье’; укр. диал. *ліхо* – ‘гадко, противно’; вологодск., архангельск., воронежск., курск., *ліхо* – ‘горе, печаль’; смоленск. *ліхо* – ‘в суеверных представлениях – нечистая сила’; болгарск. *лихо* – ‘зло, несчастье, боль, злая сила, чертовщина’; *ліха* – ‘эпилепсия, падающая болезнь’ [ЭССЯ XIV, 1987: 90-91, 152]. Как мы видим на материале русских говоров и других славянских языков, семантика корня *-лих-* варьируется и распадается на 3 основные ветви: 1) несчастье, беда, горе, печаль, зло; 2) нечистая сила, дьявол, черт; 3) боль, болезнь.

Из приведенных этимологических данных мы можем сделать вывод, что, с одной стороны, болезнь в народном сознании связывается со злом, несчастьем, горем, печалью, с другой стороны, в названиях болезни прослеживается мотивационная связь с народной номинацией демонологических персонажей. (Ср. *лихора́д* в вятских говорах ‘таинственное злое существо, поселяющееся в ком-либо и вызывающее болезнь-ногтоеду’ [ЭССЯ XIV, 1987: 94]). Таким образом, болезнь в традиционной культуре – это не просто абстрактное проявление зла, а результат действия персонифицированной потусторонней силы, которая воздействует на человека или даже проникает в его организм (ср. народные представления о животных, которые проникают в тело человека и служат причинами разных болезней).

Вероятно, болезнь осознавалась древними людьми как персонифицированная сила, наделенная человеческими отрицательными качествами. Это и сегодня сохраняется в традиционной культуре и находит отражение в пермских говорах: лексема *злая* часто употребляется в сочетании с лексемой *болезнь*: *Он больной, кряхтун, у него злая болезнь*.

Из выше сказанного мы можем сделать следующий вывод: в рассмотренных лексемах присутствует культурно-мотивированная связь с категорией зла, т. е. болезнь в народной культуре осмысливается как отрицательное явление, проявление зла, которое никогда не воспринимается как норма, оно прямо соотносится с нечистой силой, дьяволом, чертом [Усачева 2008: 249-252].

Рассмотрев имеющиеся материалы, мы можем выделить следующие основные черты, которыми наделена болезнь в традиционной культуре и которые нашли отражение в культурной семантике лексических единиц:

1. Болезнь – демоническое животное или злой дух, проникающий в организм человека самостоятельно или внедряемый туда посредством вредоносной магии.

2. Болезнь – независимая от человека, внешняя, часто персонифицированная, сила, наносящая вред здоровью.

3. Болезнь – одно из проявлений зла, связанное с дьявольским началом.

Во всех этих случаях болезнь воспринимается как пришедший извне чужеродный элемент, пробивший границу между мирами и оказавшийся внутри человека, который в результате теряет крепость, силу, становится ущербным [Усачева 2008: 251]. Таким образом, носителями мифологического сознания болезнь понималась не как нечто обусловленное состоянием организма заболевшего (ослабленным иммунитетом и т.п.), а как негативное влияние враждебных потусторонних сил, существующих самостоятельно или направленных другим человеком, вступившим в ними в контакт.

В заключение следует сказать, что лексика СП «Болезнь» подтверждает высказывание Н.И.Толстого о том, что диалект является не только лингвистической территориальной единицей, но и культурологической и этнографической, поскольку человек запечатлевает в языке свой физический облик, свое внутреннее состояние, свое отношение к предметному и непредметному миру, природе, свои действия, свои отношения к другому человеку [Арутюнова 1999: 3; Толстой 1995: 21].

¹ Работа выполнена при поддержке гранта АВЦП РНП «Русская речь Пермского края: история и современность» № 2.1.3/483

² Примеры взяты из картотеки «Словаря магической лексики Пермского края», составляемого И.И. Русиновой, А.В. Черных, К.Э. Шумовым, О.И. Васневой; далее – КСМЛПК.

Список литературы

Агапкина Т.А., Усачева В.В. Болезнь. // Словарь Дома Сварога. Славянская и Русская языческая мифология. 1997-2010. <http://www.pagan.ru/slowar/b/bolezner> 10.php (дата обращения: 10.02.2010).

Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Образ человека. М.: Индрик, 1999. 422 с.

Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с.

Вендина Т.И. Русская языковая картина сквозь призму словообразования. М.: Индрик, 1998. 240 с.

Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. 336 с.

Гура А.В. Мышь. // Словарь Дома Сварога. Славянская и русская языческая мифология. 1997-2010. <http://www.pagan.ru/slower/m/mysher> 10.php (дата обращения: 10.02.2010).

Жданова Н.В., Подюков И.А., Хоробрых С.В. Вишерская старина. Сборник фольклорно-этнографических материалов по обрядовой традиции Красновишерского района. Пермь: ПРИПИТ, 2002. 115 с.

Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образы мира и миры образов. М.: Гуманит. изд. центр «Владос», 1996. 416 с.

Поздеева С.М. Лингвосемиотические связи в диалектной системе (на материале экзистенциальной лексики пермских говоров): дис. ... канд. фил. наук. Пермь, 2005. 203 с.

Русинова И.И. Магическая лексика в северных говорах Пермского края // Вестник Пермского университета. Филология. Пермь, 2008. С.77-87.

Русинова И.И. Процессуальная магическая лексика в говорах Пермского края // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 4. Пермь: изд-во Перм. ун-та, 2009а. С.25-32.

Русинова И.И. Явление «номинативной конденсации» в сфере процессуальной магической лексики Пермского края // Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования; Перм. ун-т. Пермь. 2009б. С. 39-48.

Русинова И.И. Магическая лексика Пермского края в лексикографическом аспекте // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 2 (24). Москва – Магнитогорск – Новосибирск, 2009в. С. 506-510.

Русинова И.И. Вербальная магия в лексике русских говоров Пермского края // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования / отв. ред. И.И.Русинова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009г. Вып.3. С. 193-200.

Слащев В.В. Змей. // Словарь Дома Сварога. Славянская и Русская языческая мифология. 1997-2010. <http://www.pagan.ru/slower/z/zmej0> .php (дата обращения: 10.02.2010).

Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области. Вып. 1-5 / под ред. Ф.Л.Скитовой. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1984-2003.

Словарь пермских говоров. Вып. 1-2 / под ред. А.Н.Борисовой и К.Н.Прокошевой. Пермь: Книжный мир, 2000-2002.

Нечаева Л.С. ОБРАЗ БОЛЕЗНИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ
(на материале лексики пермских говоров)

Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь: ПОНИЦАА, 2006.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1965.

Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.

Усачева В.В. Магия слова и действия в народной культуре славян. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. 368 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х тт. М.: Прогресс, 1986.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х тт. М.: Рус. яз., 1994.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1-27. Праoslavянский лексический фонд / под. ред. О.Н.Трубачева. М.: Наука, 1874-2000.

THE CONCEPT “DISEASE” IN TRADITIONAL CULTURE
(ON THE LEXICS OF PERM REGION SPOKEN DIALECTS)

Lidiya S. Nechaeva

Engineer of General and Slavic Linguistics Department
Perm State University

The present article deals with the analysis of culture motivated lexics referring to the semantic field “Disease” used in Russian spoken dialects of Perm region as well as with the revealing of the specific features of the concept of disease in folk culture. The lexics considered reflects the archaic conception of disease, i.e. in traditional culture disease can be identified with a demonic beast penetrating into a human-being body, with the outer harmful influence of other-worldly forces, with the representation of the Devil origin.

Key words: disease; semantic field; Perm region spoken dialects; culture motivation; mythological consciousness.